

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

Ваша искра возгорится пламенем!
Ответа за идеологию Искры.

Центральный Органъ Российской Соціалдемократической Рабочей Партии.

№ 69.

10-го Іюля 1904 г.

Годъ IV.

ДОРОГАЯ ЦѢНА

Въ иностранной печати упорно распространяются за последние время слухи о какой-то „комиссии“, якобы со-
ставленной въ Петербургѣ и занимающейся разработкой
проекта „конституции“. Сообщаются даже подробности,
что будущая конституція должна освободить рус-
ский народъ дарованиемъ ему чего-то вроде герман-
го рейхстага, однако есть и маленькая разниа: въсто-
ро, не столько рѣшающаго, сколько могущаго противопо-
вить свое тѣло правительственнымъ законопроектамъ го-
са, который имѣетъ рейхстагъ, грядущій российский пар-
ламентъ имѣетъ лишь совѣтательный голосъ.

Придавая весьма мало значенія фактической сторонѣ этихъ
обсужденій, мы не можемъ, однако, не видѣть въ нихъ ив-
торого отраженія настроенія, начинающаго пропикать въ
великобританскіе и административные салоны, въ которыхъ
республиканцы „большой“ европейской печати черпаютъ
идеи, сообщаемыя или въ редакціи своихъ газетъ. Тѣ
крушительные удары, которые уже претерпѣло самодер-
жіе въ борьбѣ съ „внѣшнимъ“ врагомъ, очевидно, застав-
ляютъ проникать въ души и самыхъ георгоидальныхъ особъ
первыхъ четырехъ классовъ смутное сознаніе, что бли-
зко конецъ царизма. Бѣшенство, съ которымъ Москва
Вѣдомости накликаютъ на алопузыхъ авторовъ
духъ, показываетъ только, что иностранная печать по-
ла въ цѣль, въ большое мѣсто. Но въ то же время, а не
и не было бы ничего удивительнаго, если бы среди
царей мута и нагайши напалъ уже теперь презумп-
тивный люди, заранѣе учитывающіе цѣну предательства
отношенію къ тому „обожжаемому“ монарху, имененъ ко-
раго самодержавная бюрократія такъ долго душитъ про-
ждающій народъ. Скорѣе было бы странно, если бы
ого не было. Исторія всѣхъ странъ показываетъ, что
бюрократія всегда была готова служить всякому правитель-
ству и предать всякое правительство. Талантливѣе, пооче-
редно служившіи республикѣ, директоріи, имперіи, Бурбо-
намъ, Орлеанамъ, и всѣхъ ихъ поочередно предававшій,
ничего, имѣетъ всѣ основанія быть причисленнымъ къ
одной святой бюрократіи. И такъ какъ у господъ этого
вѣка нѣтъ бывающаго весьма тонкой, то конституціонные
объекты тайныхъ и дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ
сомнѣнно представляютъ весьма отрядный симптомъ раз-
рушенія самодержавія.

Но не мы, конечно, будемъ возлагать наши надежды на
имисіи изъ тайныхъ совѣтниковъ. Это — монополія рас-
сѣянаго либерализма. Зародившіе въ тяжелой атмосферѣ
бѣды, при первыхъ шагахъ своихъ уже увидавшій грозное
еже, текуча, фарестъ, начертанное на всѣхъ стѣнахъ бур-
занной Европы, русский либерализмъ никогда не надѣлся
свои собственныя силы, на борьбу. Какъ Петръ отъ
суся, оторвался отъ отъ „крайнихъ“ дѣтей своихъ, когда
платоническое „сочувствіе“, а дѣйствительная помощь
давать имъ шансы на побѣду въ неравной борьбѣ съ
разнымъ, опиравшимся на огромную реакціонную силу
свѣтлости народныхъ массъ. Не желая свободы, а по-
лучить ее хотѣли и хотѣли русскій либерализмъ. Консти-
туціонныя галупки готовы были доложить ему въ ротъ
имъ ли царь его, либерала, „можетъ быть, ха-ха“ и по-
лучить, съблудный террористъ динамитной, бомбой, взор-
валъ российский престолъ, крестьянскій ли „бунтъ“ или ра-
нее возстаніе разорвать заржавленные оковы деспотизма,
российскому либералу все равно. И когда революціонное
жесткое — и не только рабочаго класса или крестьянства,
и интеллигентныхъ дѣтей либерализма — сочтено кровью
и всѣхъ поръ, российские Мирабо, оставаясь пассивными
интелли революціонной трагедіи, лишь учитываютъ ея
политическій балансъ и вписываютъ его въ тотъ ростовщи-
скій несеель, который они предъ являть въ минуты ликви-
даци самодержавія одновременно и побѣжденному царизму,
побѣжденному народу.

Однако, расчеты на чужую революціонную борьбу изъ-
за невозможныхъ путей къ „полученію“ свободы, иже
его по душѣ либералу. Съ одной стороны, смута пред-
ставляетъ царственнымъ трудящамъ, какъ утѣрили ораве-
не земли, а вѣдь надежда на „помощество“ не оставле-
нъ либераламъ: съ другой стороны, всѣ эти убійства и во-
ля не даютъ мирно трудиться и даже жить спокойно
примѣръ земледѣльцевъ, вродѣ господина Еврепенцова. Да
неизвѣстно еще, насколько благосклонно отнесется про-
бавленію въ политическому вѣселю либераловъ, разну-
завшая кулачъ анархистовъ, ничего не боящаяся, даже ви-
лими. Поэтому, не забывая трясущей рукой вынес-
тъ въ свои бухгалтерскія книги статьи политическаго
жизни, либералъ всѣми силами старается напечатать дру-
го, менѣе опаснаго пути къ „полученію“ конституціоннаго
свѣта. Однако, надежды на то, что самодержавіе позволитъ
простолюди счастье своей позиціи наболеннымъ людямъ,
неизно, единственныя наивны даже и для русскихъ либера-
ловъ. Какой нибудь извѣстный толчекъ, въ либерализма, по-
внѣ самодержавія, лежащая причина должна привести къ
желанной „реформѣ“. Только съ этой точки зрѣнія
чувствовали либерализмъ революціи, и только съ этой
чки зрѣнія отбрасывали въ политическую войну стихійное
родное бѣдствіе, подкапывающее основы существующаго
государственнаго „порядка“.

Такъ было во время голода. Либерализмъ не ушибился
вступитъ активно со своими конституціонными требовані-
ями, або на почвѣ остраго недовольства широкими слоевы-
ми въ нервно напряженной общественной атмосферѣ
объ выступленіи могло бы послужить непосредственнымъ
толчкомъ къ революціонному низверженію царизма, съ сре-
дичи на груди ругали, онъ ожидаетъ минуты, когда

И точно такую же познанию заняли либерализмъ теперь,
когда не въ видѣ голода, а въ видѣ войны надвинулись
на Россію огромныя разрушительныя силы стихійности. Въ
виду войны вслѣдствіе провозглашенія конституціонныхъ тре-
бованій и заявленій прекращаются, по крайней мѣрѣ, на эти
первыя и неясныя мѣсяцы, писать пѣній конституціо-
нализъ въ № 50 „Освобожденіи“ и уверяетъ, что на этотъ
счетъ, нѣтъ никакихъ споровъ. Можно повѣрить этому
компетентному голосу, можно повѣрить, что для либера-
лизма, связанная съ войной тактика неизбежно требуетъ
гораздо болѣе пассивнаго отношенія къ событіямъ теку-
щей жизни. Болѣе того: мы видѣли уже, какъ „пассив-
ные“ по отношенію къ борьбѣ за свободу либеральные
земцы „активно“ принимали „вспомогательные“ адреса по
случаю войны и облагали на нужды ея новыми милли-
онными налогами разоренное и еще болѣе разоренное войной
населеніе, вмѣсто того, чтобы открыто заявить о непосиль-
ности для народа тѣхъ новыхъ тяготъ, которые налага-
ются на него авантюрами самодержавія. Но это „пассив-
ное“ свободолобіе и „активное“ холодноство ничуть не мѣ-
шаютъ тому, что благодаря войнѣ ярче, чѣмъ когда либо
теплится надежда на конституцію въ сердцѣ либерала. Не
даромъ уже въ самомъ началѣ войны правительственнымъ
рептильямъ приходилось писать длиннѣйшія статьи для до-
казательства, что не нужно непременно новаго „Севасто-
поля“ для наступленія конституціонной весны. Либерал-
измъ долженъ желать пораженія русскихъ войскъ, потому
что такое пораженіе вѣрнѣе всего заставитъ самодер-
жавіе пойти на уступки. Сила этого желанія умиротвѣ-
ряетъ такіе лишь опасенія революціоннаго взрыва неиз-
бѣжнаго при слишкомъ позорномъ военномъ крахѣ цариз-
ма. Но если не поражение, то ужъ во всякомъ случаѣ тотъ
острый финансовый кризисъ, который неизбеженъ даже при
благополучномъ окончаніи войны, долженъ радостно манить
сердце либерала. Отсюда — двѣ души въ груди либера-
лизма. Сантиментально скорбятъ о страданіяхъ „солдаты-
ковъ“, — какъ онъ скорбѣлъ о бѣдствіяхъ голодающихъ,
— либерализмъ лечатъ зияющія раны войны палативными
санитарными отрядами и перевязочными пунктами, какъ
лечилъ смертельныя язвы голодающихъ палативными безплат-
ныхъ столовыхъ, и въ то же время война, какъ и голодъ,
является для либерала тѣмъ стихійнымъ, внѣшнимъ, его
лично весьма мало задымляющимъ факторомъ, который сло-
житъ упорство цѣлѣпопущаго за свои самодержавныя преро-
гатины царизма. Политическій паразитъ, либерализмъ стро-
итъ свои спекуляціи на бѣдствіяхъ народа.

На бѣдствіяхъ народа! Да, то, что для либерализма
внѣшняя, стихійная сила — будетъ ли то голодъ, война,
или хотя бы острый финансовый кризисъ — то для народа,
для радужаго крестьянства и еще болѣе для рабочаго класса
подлинное бѣдствіе, реализующееся въ недобѣданіи, въ ро-
стѣ „преступности“ и проституціи, въ болѣзняхъ, въ уси-
леніи смертности, въ тысячахъ и десяткахъ тысячъ жн-
зней, принсенныхъ въ жертву молоху милитаризма.

И каждая бунта той конституціонной партіи, которая
для либераловъ „сама собою“ явилась въ результатѣ остраго
потрясенія всего организма страны, будетъ оплачена цѣ-
ною крови народа. Простой подсчетъ этой крови пока-
жетъ, что для пролетаріата и прилегающаго къ нему сло-
евъ крестьянства революціонный способъ борьбы за сво-
боду дешелее пассивнаго выжиданія стихійнаго хода собы-
тій. Уже по одному этому рабочій классъ не можетъ, слома
руки, ждать той свободы, которую принесетъ ему военный
разгромъ Россіи, и не можетъ на этомъ разгромѣ строить
всѣ свои надежды. Побѣда царскихъ войскъ въ преступно
нѣтълальной войнѣ означала бы укрѣпленіе позицій самодер-
жавія на трупахъ десятковъ тысячъ рабочихъ и крестьянъ.
Но и свобода, купленная цѣною пораженія, была бы осла-
блена дѣльными морями крови того же народа. Это, воистину,
слишкомъ дорожная цена за ту свободу, которая выпадетъ
при этомъ на долю пролетаріата.

Не нужно забывать, что, если либералъ является пассив-
нымъ зрителемъ тѣхъ стихійныхъ бѣдствій, которые подка-
пываютъ тронъ самодержавія, то пролетарій является ихъ пас-
сивнымъ объектомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пассивнымъ орудіемъ по-
литическаго катаклизма. Но свобода, въ достиженіи которой
пролетаріатъ играетъ роль пассивнаго орудія стихій-
ности, можетъ дать рабочему классу лишь минимумъ воз-
можныхъ въ капиталистическомъ обществѣ политическихъ
правъ. А всѣ работы нашей партіи, направленныя на раз-
витіе классового сознанія и классовой организованности про-
летаріата, имѣютъ цѣлью завоеванія имъ максимумъ этихъ
правъ. Самый смыслъ существованія нашей партіи исче-
заетъ, если въ напѣхъ представленіи рабочій классъ дол-
женъ пассивно ждать освобожденія отъ того „стихійнаго“
нрушенія царизма, которое послѣдуетъ за разгромомъ Рос-
сіи японцами. И не о широтѣ политическихъ взглядовъ
свидѣтельствуетъ проявляющееся кое-гдѣ въ революціонной
средѣ желаніе разгрома, а о недостаточномъ пониманіи за-
дачъ социалдемократіи. Это — не выраженіе высшей ступени
сознательной классовой политики, а отрывка буржуазнаго
демократизма съ его спекуляціями на „стихійности“.

Если даже считать представленіе о пораненіи съ не-
избѣжностью послѣдующаго революціоннаго взрыва, то не-
ужели рабочій классъ долженъ желать предварительно
протнть черезъ всѣ бѣдствія безработицы, черезъ всѣ муки
голода и болѣзней, оставить на восточно-азиатскихъ поляхъ
трудомъ десятковъ тысячъ своихъ сыновей и братьевъ, чтобы
потомъ только пойти на баррикады новыми потоками крови
добывать свободу?

Нѣтъ! Ни побѣда, ни пораженіе, а прекращеніе
войны, прекращеніе кровавыхъ геноцидовъ, какъ слѣ-
дствіе революціоннаго давленія рабочаго класса — вотъ
должна пролетаріата. Этотъ лозунгъ одинаково жалокъ отъ
хладнокровныхъ расчетовъ либерализма на гибель тыся-

чредѣ Верги Зуттнеръ или Льва Толстого. Пролетаріатъ
не можетъ ставить себѣ утопическую задачу прекратить
порондаемые капиталистическимъ обществомъ войны, не
уничтоживъ самого капиталистическаго общества. Онъ не
можетъ оставаться равнодушнымъ и къ такому порабоше-
нію государства въ которомъ онъ волею историческихъ
судебъ живетъ и борется, такому порабошенію, которое
превратило бы это государство въ объектъ чуждой асилуа-
таціи, подрѣзало въ корнѣ возможность его прогрессивнаго
развитія, сдѣлало его новой Армеей, сохранило для про-
летаріата всѣ гнетъ, всѣ бѣдствія, всѣ несчастія, но безъ
малѣйшей надежды на возможность революціонной борьбы
сориситъ съ себя всѣ пути социальнаго рабства, и въ этомъ
смыслѣ сказалъ Бебель, что нѣмеческій пролетаріатъ „до по-
слѣднего человѣка встанетъ на защиту отечества и народа“,
если самому существовавшій Германіи будетъ грозить опасность.
Но когда эти жизненные интересы народа не поставлены
на карту, пролетаріатъ, какъ бы ни кричали объ отсутствіи
у него патриотизма, можетъ и долженъ властнымъ револю-
ціоннымъ вмѣшательствомъ положить пределъ войнѣ, особен-
но войнѣ, не только не вытекающей изъ потребностей раз-
вивающагося капиталистическаго общества, но, напротивъ,
имѣющей цѣлью задержать то политическое переустройство,
которое необходимо для его развитія. И это революціо-
нное вмѣшательство, чуждое пассивнаго ожиданія побѣды
или пораженія, сохранить пролетаріату тысячи его сыновей
и сотни миллионовъ денегъ, которые выкачиваются изъ его
кармана и сама война, и ссоривающаго ея кризисъ.

„Миръ въ ближайшее время можетъ быть заключенъ
лишь путемъ униженія и огромныхъ потерь“, говоритъ тотъ
же конституціонализъ въ „Освобожденіи“. Но то будетъ
униженіе? Пролетаріатъ ли, который заставитъ самодержавіе
выполнить свою революціонную волю? И какихъ огромныхъ
потерь? Потерь ли той „чужой территоріи“, по поводу ко-
торой даже г. конституціонализъ говоритъ, что „съ порази-
тельными легкомысліемъ и невѣжествомъ полицейское са-
модержавіе вышло (курсе выдѣлано) Россію въ сложныя
мировыя интересы, ей, по существу, чуждыя“.

Слѣдны, конечно, надежды на ту контрибуцію, которую
Россія получитъ въ результатѣ побѣдоносной войны, и которая
покроетъ военные расходы. Не говоря уже о великой со-
мнительности побѣды царскаго оружія, никакая контрибу-
ція не сможетъ окупить всѣхъ тѣхъ колоссальныхъ жертвъ
людьми и деньгами, которые несетъ пролетаріату каждый
лишний день войны. И притомъ, если затраты на войну по-
краваются изъ кармановъ народа, то не въ его карманѣ
полетѣтъ золотой дождь контрибуціи. Пять миллиардовъ
французской контрибуціи дали германскому рабочему классу
въ концѣ концовъ лишь новый, дотолѣ несслышанный по
своей остротѣ, кризисъ 70-хъ годовъ. А главное, то усиле-
ніе позицій самодержавія, которое принесетъ побѣда, для
пролетаріата будетъ обозначать продленіе его хроническихъ
жествъ и бѣдствій и новое затрудненіе его революціонной
борьбы за свободу.

Пролетаріатъ въ противоположность буржуазіи, вообще
не можетъ получить для себя свободу, онъ можетъ только
завоевать ее, долженъ одолѣть ее своею кровью, будетъ ли
онъ пассивнымъ орудіемъ политическаго переворота или
сознательнымъ активнымъ борцомъ за свободу. Но и по
величинѣ жертвъ и по достигаемымъ результатамъ, путь насту-
пательной революціонной борьбы — самый экономный путь
для рабочаго класса, и въ данномъ случаѣ его интересы
совпадаютъ съ интересами всѣхъ трудящихся массъ. При
той политической конъюнктурѣ, которая создана войной,
этотъ путь ведетъ къ революціонному требованію мира и
свободы. Всякою другою политическою тактикой рабочій
классъ завоевалъ бы слишкомъ плохую свободу и слиш-
комъ дорогомъ цѣномъ.

ЭМАНСИПАЦІЯ МИТРОФАНА

Въ Россіи, какъ въ „благосудстроенной“ странѣ, на ряду съ
телефонами, телеграфами и прочими приспособленіями культуры,
предлагается быть и своему общественному мнѣнію. Это мнѣніе,
какъ и всюду, есть мнѣніе „свободствующихъ“ классовъ, но со-
вѣсть не какъ всюду, это русское мнѣніе „пребывало до сихъ
поръ въ положеніи того великовозрастнаго юнца, который гово-
ритъ уже басомъ, у котораго проваляются усы, и который тѣмъ
не менѣе все еще ходитъ въ короткихъ панталонахъ и чи-
стаетъ грязноточными книжками добродѣливаномъ Ванѣ и непо-
судливою Коль. Остротѣ дѣлакъ съдается по пяткамъ и бѣдѣтъ,
какъ бы дѣтъ“ не испортился. И дѣтъ покажется не порти-
лось. Правда, милому ребенку прихотѣла иногда въ голову близкія
бросить куклы костюмъ и загалупить въ запретную книжку, но
столько дѣлать погромче крикнуть и „дѣтъ“ опять шало, въ стру-
нѣ, какъ и подобаетъ его воспитанности. Однако, времена пере-
мѣнились, и этой „воспитанности“ стала грозить опасность съ тѣхъ
поръ, какъ педагогія дѣлать петрѣла соперника въ друио пе-
дагогіи, въ тѣхъ „урокахъ“, которые все еще въ день препода-
етъ теперь нашему питомцу старая гувернантка-исторія. Она
предполагаетъ элементарныя истины, истины, которые давно уже
вошли въ научный обиходъ, но отъ этого, увы, еще не сдѣла-
лись достояніемъ тѣхъ, кому бы ихъ слѣдовало вѣдать. И какъ
дѣтъ „уроки“ такъ вразумительно излагаетъ, она такъ усердно
излагаетъ его въ унизительную форму, что слѣдѣтъ разъ
не только поднимается вопросъ, сколько еще нужно еще кому-то
чтобы отечественный недоросль, наконецъ, сталъ взрослымъ че-
ловѣкомъ, и неужели для того, чтобы доказать некомпетент-
ность, необходимы еще Тюрпенъ, Киважоу, Вафангоу
и иные военные преставы?

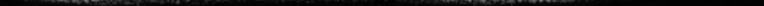
Нашему Митрофану пора выходить изъ подъ старой укаши,
я Митрофанъ, говоритъ, въ послѣднее время, дѣйствительно, какъ
будто собирается изъ-подъ нея выходить.

Въ обществѣ шумно, безотаново, тревожно — пишутъ „Но-
вое Слово“. Если къ нашей печати потѣтъ изъ критики во-
енныхъ дѣлѣтъ, то тѣмъ, съ боѣе въ обществѣ, критикѣ, под-
битой прощомъ, осмѣивающей на „какомъ фактѣ“, которая „дастъ
ему право разсказать свои критикѣ“, критикѣ нехорошо, и

10

Однако, как кажется, было бы ошибкой думать, что несущественное еще господство большинства сознательных рабочих внутри их партийной организации может быть, пока что, признано, но доверить самоуправление центрального управления партии и что отсутствие публичного контроля рабочих массами тем, что делают и чего не делают, партийные органы, может быть тем, что хорошо выработанного обратного контроля II. К. над деятельностью революционного пролетариата.

Июльские и II съезд. Кроме того, оставалась брошюра «Восемьдесят лет мастерства». Все эти произведения неслучайно печатались рабочими с заботливым интересом. Были среди них и такие, одна из которых, по словам рабочих, поощряла платой за 100, и побуждала к покупке других. — В одной португальской мастерской, так же как и в английской. Кроме прокламаций среди ремесленников, социал-демократов и студентов были и другие, которые побуждали к покупке работ среди рабочих. Из этих прокламаций из тех же годов обращались к рабочим несколько раз. Были прокламации по поводу неудачной в ноябре 1902 года стачки, с вынесением причины ее неудачи, с указанием на необходимость бороться с рабочими и на то, как именно следует бороться. Другая прокламация говорила о положении пролетариата в капиталистическом обществе, об его исторической роли и призвала рабочих примкнуть к борющейся революционной социалдемократии. Распространялись также брошюры.

Арестованы в течение года были рабочие Первунин, Кришневич, Крохин и интеллигент Гольдман, было произведено несколько обысков.

Для характеристики настроения заводских и портных рабочих передается следующий факт. Однажды человек 40 рабочих попросили, чтобы к ним, явившись социал-демократы, пришли бы их. Когда социал-демократы пришли на собрание то они, прослушав речь социал-демократов, предложили сейчас же дать 50 руб. на литературу и требовали указать средства для осуществления их предложения. Существующий государственный строй и для торжества социализма! Неприятие существующих интеллигентных сил, эта картина осталась почти неизменной. Имя в виду, что в Новороссийске находится очень много рабочих, что условия, при которых им приходится жить и работать, крайне тяжелы, что рабочие в высокой степени озлоблены и против капиталистов и против администрации, обнаруживавшей перед ними не раз свою гнусную лживость, что, значит, в Новороссийске есть элеватор (2ой в мире), и стачка элеваторных рабочих означала бы потрясение значительной части внутреннего рынка юго-восточной России, отразившейся через Новороссийск на границе своей, что, из этого города является незамерзающий порт, из которого приходит очень большое число иностранных пароходов, и стачка портных рабочих, грузчиков, вынуждая экспортные фирмы платить громадные суммы в виде неустойки за промедление в нагрузке пароходов, является грозным оружием для врагов рабочих в руках рабочих, которых теперь дружно Левитского превращают в оружие для набивания деньгами карманов капиталистов, превращают тем, что соединяют их в артели с круговой порукой за своевременную доставку товаров в пароходы (так называемый артель ст. пароходов), овладевая, наконец, крошечных и других объективных данных, на опыте работавших в Новороссийске товарищей, глубоко убежденных в продуктивности работы там, и естественно рекомендуя товарищам не забывать этого пункта.

30 мая 1904 года. Протажя.

СОБЫТИЯ ВЪ ФИНЛЯНДИИ

Весенняя рабочая демонстрация. Убийство Бобринкова. Протест студентов и др. Прием новобранцев. Аресты. Грабеж финского народа и пр. и пр. и пр.

Недавно Финляндия снова обратила на себя внимание всего цивилизованного мира: 16 июня (нов. ст.) валь, от руки самоотверженного финляндского патриота, из самых адептов сената обер-скаут Финляндии Бобринков. Подробные тротательные сообщения — «официальные» и «неофициальные» («Новое Время», «Моск. Вд.» и пр.) — о последних минутах сагара, его похороны и т. д. известны уже давно всем и каждому, но тем не менее мы желаем отчасти «дополнить», а отчасти «исправить» их на основании самых точных и достоверных источников. Немного раньше 5 июня (н. ст.) в Финляндии произошло другое еще более важное событие, которое абсолютно независимо читателям наших легальных газет, да и иностранных печать, за исключением скандинавской, вряд ли удалось ему заслуженное внимание. Мы имеем в виду вынужденный протест многих тысяч финляндских рабочих — их резолюцию, единогласно принятую в разных местах Финляндии на юнских социалистических демонстрациях. 5 июня 1904 г., бесспорно, навсегда останется достопамятным днем в истории, не только финляндского рабочего движения, но и всей освободительной борьбы с российским самодержавием.

Централизм — в лице Лассальского всеобщего немецкого рабочего союза, в наоборот, автономизм — в лице Эизенхауэра. При всей приверженности приверженности распыленности тактики Эизенхауэра, она выказала значительно большее активное участие пролетарских элементов в духовной жизни партии, большую внимательность самих рабочих — доказательством может служить, между прочим, быстрый рост провинциальной прессы у этой фракции — вообще гораздо больше развито здоровое стремление к росту партии, чем это удавалось сделать Лассальщикам, которые, несмотря на все свои ослепы с «диктаторами», приходили неизбежно из все более плачевных результатов.

Вообще нетрудно показать, что при условиях, когда революционная часть рабочей массы еще не сплочена, само движение еще шатко, словом — при условиях, подобных современным русским, как раз строгий, деспотический централизм и является специфической организационной тенденцией, характерной для интеллигентского оппортунизма. Точно так же, как в позитивней стадии — при наличии паразитической среды и переходе к сильной, крило сплоченной рабочей партии — соответственная тенденция интеллигентского оппортунизма выражается, наоборот, в децентрализме.

Именно с точки зрения Ленинской боязни пагубного влияния интеллигентизма на пролетарское движение, его собственные организационные взгляды крайне опасны для русской социал-демократии.

На самом деле, как так легко и верно не поработать еще много рабочего движения восточной интеллигенции, как скопление его панцирем бюрократического централизма, приваляющего борющийся пролетариат до роли послушного орудия в руках «комитета».

II. И наоборот, можно так не застраховаться рабочего движения от всяких оппортунистических злоупотреблений со стороны честолюбивой интеллигенции, как революционная самостоятельность пролетариата, как доверие к нему чувства политической ответственности.

III. И в самом деле, пример, который сегодня лишь греется Ленину, центра легко может стать реальной действительностью.

Не будем забывать, что революция, напут которой мы переживаем в России, — не пролетарская, а буржуазная революция, которая сильно ограничивает всю обстановку социал-демократической борьбы. Тогда в русской интеллигенции очень быстро пропадет ясно выраженным буржуазно-классовым содержанием. Если сегодня социалдемократия является единственной руководящей силой русской рабочей массы, то на другой день после революции буржуазия, и прежде всего ее интеллигенция, естественно будет стремиться превратить массу в вассалов своего парламентского владычества.

Прим. ред. Neue Zeit. В Англии именно фабрикам, особенно Веббам, являются самыми яркими сторонниками бюрократической централизации и противниками демократических тенденций.

Имя в этот день тысячи наших финских товарищей впервые открыто провозгласили свой строгий, но и ясный суд над этой преступной системой русского правительства — этой шаймой бандажистов.

Грандиозная рабочая демонстрация с музыкой, красными знаменами и социалистическими речами сама по себе не новинка в Финляндии. Году тому назад мы описывали юнскую демонстрацию финских рабочих, но до сих пор все она остается «демонстрацией» характерной, так как на них провозгласились лишь речи на дозволительных темах: говорилось обыкновенно о 8-час рабочем дне, о борьбе избирательного права и в значительной степени и в нынешнем году, как два раза ранее, особенно грандиозной была демонстрация в Гельсингфорсе. По словам легальной рабочей газеты в процессе участвовало 63 различных рабочих, мужских и женских профессиональных, коммунальных, обществ, трестов и др. — состав из 32 именами и с несколькими ораторами. Рабочие, работницы и дети в своих праздничных платьях с красными демонстрационными знаменами торжественно подыгали по главным улицам города к шествию своего шествия — в ближайший час. Многочисленные распорядители выдвинулись своими большими красными шарфами. За городом начала играть музыка и раздались пение, так как в городе это было запрещено полицией, которая в Гельсингфорсе, как и в других местах, за исключением Або, где совершенно была запрещена в последнюю минуту демонстрация. Выборга и Таммерфорса, где была запрещена провозглашение речей, многолюдно разразилась демонстрация, тогда как представители рабочих союзов лишь заехали в предстоящих демонстрациях. Уже эта «сипелодителность» властей доказывает силу рабочего класса, ее организационными вынужденными считаются русские товарищи. На месте гельсингфорского рабочего праздника собралось до 10 000 чел., в том числе много интеллигенции. По окончании «официальной», т. е. разрешенной программы, состоявшей в речах на шведском и финском языках, декламации и музыкальных исполнений социалистических произведений, на кооперативную знаменами, вдруг всходит молодой рабочий и громко и внятно по фински предлагает резолюцию, которую с восторгом принимает десяти-тысячное собрание. Во время чтения постоянно раздаются из уст тысяч присутствующих одобрителные возгласы и гремит аплодисменты. Такого энтузиазма не вызвала ни одна речь, хотя было произнесено не мало превосходных речей, пока оратор мужественно читал резолюцию, текст ее, напечатанный на обложке ланжак, во многих тысячах экземпляров искусно разбрасывался среди слушателей.

Нам приходится пожалеть лишь о том, что в этой превосходной резолюции нет указания на связь между борьбой финляндского и русского пролетариата с нашим общим заклятым врагом — российским самодержавием. Но не следует забывать, что это первый шаг наших финских товарищей по новому пути; за ним, несомненно, последуют многие еще более откровенные и общие протесты.

Что же дала полиция во время чтения и распространения протеста? Она... бездействовала!

На рабочем празднике было много явных и тайных держиморд, но они оказались, разумеется, совершенно бессильными перед таким единодушным рабочим массе. В этом бесспорно откровенно и сознался, по словам «Fria Ord» один из главных заправил финляндской гильсингфорской полиции — комиссар Андросов. Один городской соросил у него, не арестовать ли оратора. «Мы слишком малочисленны», был ответ начальнику. — «Не вызвать ли нам, в таком случае, казаков?» — «Нить, пока они не лезут сюда, эта толпа уберет нас». Такое же безделье перед народными антагонизмом высказали власти и 5 февраля (нов. ст.) — в столетнюю годовщину со дня рождения национального поэта Рунеберга. Тогда сама полиция убивала несколько нанятых человек, обрательсь с «хотят-договором» об увольнении к губернатору Кайгородову, который на неделю до праздника, во всех газетах опубликовывая заявление всяких публичных чествований, кроме празднования... царских дней. II. действительно, 5 февраля никакая полиция в мире не могла бы воспрепятствовать астам финляндцам праздновать свой национальный праздник.

Своими могучим протестом в Гельсингфорсе и в других местах финские рабочие 5 июня раз навсегда опровергли часто возводимые на них буржуазией обвинения в «непатриотичности» организованных рабочих. Подобные упрёки особенно часто раздавались в начале разгрома Финляндии, и иногда рабочие союзы и газеты, действительно, подавали некоторый повод.

Когда демонстранты разошлись члито по домам, полиция бросилась ловить храброго оратора, арестовала одного субъекта.

осмелившиеся говорить «без разрешения», несколько раз вымывала распорядителей из допросов, но все дало совершить, так как главный «зачинщик» — оратор — не был схвачен и очутился запертым в официальных организациях демонстрации на самом деле не была послана к этому месту. Даже финский орган рабочей партии отказывался от солидарности с участниками отдаленных мест, в которых, может быть, отбыл партии. Остатки же этого народного протеста организмом младо-финляндской партии вышло в свою очередь ртисий протест, опубликованный в «Fria Ord» Ноббе подобный «дипломатический» пустяк, но хотя для спасения того или другого учреждения, начинают встречать все более и более строгое осуждение со стороны оппозиционных элементов. Теперь сообщают некоторые неизвестные читателям подробности, относящиеся к убийству Бобринкова. Сенат немедленно послал вышестоящим был отнесен поименно и все падавшие в нем лица переписаны, так как перепутаны властями начал мерещиться «заговор». Фактически же Шауман, убивший Бобринкова, не имел никаких абсолютно положительных и влиятельных. Он действовал совершенно по своей инициативе и на свой риск.

Полиция, несмотря на очевидное отсутствие соучастников в «преступлении», провела массу самых нелепых обысков в престолах. Число последних, по слухам, достигает 200. «Агенты» распадаются на две категории: 1) не имевшие сообщений, 2) лица, выразившие свою радость по случаю смерти сагара или симпатии Шауману. Несмотря на все желательности лица создать крупное «дело», ей приходится быстро выискивать «преступников» на отсутствием всяких улик. Гордо, врываясь в квартиры мирных граждан, держали в руках револьверы. Шаумана полиция похоронила ночью, и изданный приказом присутствовать лишь его старому отцу — бывшему сенатору, тайному советнику, и сестрам. «Власти тели порядка» старались скрыть могилу Шаумана, сравнив ее с землей, всетам много оторвались к ней с выкапыванием, но стояли у нее стража арестует всякого почитателя покойного. Насколько не было уверения Бобринкова, что народ «за волею» его податкой, что «финской нации принадлежит «довольства». («Новое Время»), доказывает, кроме упомянутой резолюции рабочих, еще и то обстоятельство, что в числу арестованных за соучастие Шауману лишь много крестьян-рабочих. Вот и славное довольство! Нить, вся Финляндия от всей души ненавидела Бобринкова, хотя никто не ожидал такого похода.

ВОПРОСЫ ТРУДА.

Как-то об условиях жизни Иваново-Вознесенских рабочих.

В № 19 нашей газеты (апрель 1902 г.) в корреспонденции из Иваново-Вознесенска был описан следующий случай, происшедший на фабрике наша. Ползуниных:

«Одна работница очень сильно захворала, она не один раз являлась к своей болель и просила отпуска — поправиться здоровьем, но получала отказ. Когда однажды, уже совсем больная, она обратилась с той же просьбой, ей предложили расстрелять. На слова, что нечем кормиться, был короткий ответ:

«Чорт бы тебя ободрал, дохни».

Шатаясь, пошла она с фабрики, но, задыхаясь, села на лавку, а минуту через пять умерла; об этом доложили табельщику. Тот, испугавшись, тотчас же оповестил всю заводскую администрацию, и вот собравшаяся стая, с целью выгородить себя из этой истории, придала гнусную весть, написала отпуск для лечения, положила его в кармане покойницы и отправила ее в больницу».

Этот факт, рассказанный сам по себе, производит впечатление возмущительного преступления, исключительной, шумной жестокости.

Но это не так.

Его значение может быть понято только тогда, когда мы рассмотрим в общем в целом обстановку жизни Иваново-Вознесенских рабочих.

Ползунык в официальном сообщении, Отчета за 1902 г. о числах фабрик в Иваново-Вознесенске, указывает количество работающих на них и числу заболевших по родам болезней: «и чахоткой поймет, что палачи — слуги господ Ползуниных, замучивши несчастную девушку работницу, не совершили преступления против закона, царящего на фабрике».

*) Помещен в «Северном Крае», № 126 от 15 мая 1904 г.

